

Татьяна Іванько

18+

ЗОЛОТО

ТОМ 6

Татьяна Вячеславовна Иванько
Золото. Том 6
Серия «Золото», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472671

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95863-0

Аннотация

Нависла неминуемая гибель. Как поведут себя герои на грани? Можно ли победить, когда всё и все против? Или не победить нельзя? Встреча брата и сестры, разделённых временем, ненавистью и непониманием, к чему она приведёт? Какие ещё неожиданные встречи, ведущие к спасению или гибели приготовлены героям. Кто всё же выйдет победителем? Возможно ли победить и проиграть одновременно? И минует ли Великий Север гибель, предвиденная и предсказанная Великим жрецом?

Содержание

Часть 22	4
Глава 1. Горячая встреча	4
Глава 2. Слепота	22
Глава 3. Ошибка или данность	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Иванько

Золото. Том 6

Часть 22

Глава 1. Горячая встреча

Я был готов выехать ещё до того, как прискакал гонец из Солнцеграда с вестью, что больна царица. Я уже держал моего коня под уздцы, выводя из конюшни, когда гонец, раненый в плечо, влетел на главный двор Каменного лога. Оказалось, он напоролся на дозор вражеской рати.

– Я их в болото завёл, мне места известные, а они за мной, цельный отряд увязалси...

Радостно засмеялся, морщась и чуть-чуть невольно увёртываясь от моих исцеляющих прикосновений раненый вестник. Счастлив, что спасся, что до своих добрался.

– Но они в полудне пути от Солнцеграда, Великий Белогор, – он посмотрел на меня, чуть ли не жалобно. – Нам не проехать уже. Думаю, уж дошли туда, пока я трусил в седле досюдова. Они Солнцеград окружают, тихо-ошко идут, тока акинаками да колчанами бренчат...

Рана его уже закрылась, когда я отнял руку, я подал знак

слить мне, чтобы смыть его кровь. Я будто его глазами вижу всё то, что о чём он рассказывает, это несложно – его кровь на моих руках. И решение родилось само собой.

– Поскачем к Ориксаю. В Солнцеград будем пробиваться вместе с ним, – сказал я, стряхивая капли с рук, пока мне подали рушник вытереть.

Мои спутники бледные и напряжённые, согласны, но ожидают от меня ещё каких-то слов, объяснений.

– Думаю так, ребята: царица родила, – сказал я и оглядел их.

Лица прояснились разом. Улыбки, но и страх из-за того, что так быстро подошли вражеские войска. Лазутчиками, стало быть, полон Солнцеград.

– Поэтому двинулись на Солнцеград? – услышал я.

И ещё:

– И распутица им не помеха...

И кроме этого:

– Дак и распутицы нет в ентом году...

– Будто всё нарочно, так тает медленно, что и не...

Но нечего базарить попусту. Медлить здесь нам незачем.

– Хватит болтать, по коням! – сказал я, оглядев их.

И мы вскочили в сёдла, взмахнув плащами, как крылами. Скачка долгая, но мы налегке, до вечера мы уже встретили Ориксаю, вышедшего с дружиной к Солнцеграду.

Он собрал из нескольких городов, подготовленные за эти месяцы полки. Настоящую дружину, это верные воины,

неслучайные, истинный оплот царя. Так что, с ним шли почти двенадцать тысяч. И ещё несколько тысяч должен собрать Черныш по городам. Так и предполагалось, только, что двинутся все немного позднее, что Ава успеет уехать из Солнцеграда и спрятаться ещё до родов. И когда я сказал ему о рождении сыновей, Ориксай испугом в глазах встретил мою новость.

– Так не успела?.. – ахнул он, опускаясь на лавку, будто силу в ногах потерял.

– Ты... сядь, Ориксай, – сказал я, испугавшись, что он упадёт. Расшибётся ещё.

Мы в шатре с ним, после Совета, после вечера. Я остался, чтобы рассказать о том, что знаю теперь сам, знаю точно, так же уверенно, как и то, что вижу его перед собой:

– Она в Солнцеграде. А детей спрятала. Я знаю, – сказал я, глядя в его зрачки, чувствуя, как сердце быстро колотится в нём, чувствуя его страх. В нём ещё никогда не бывало страха...

Он посмотрел на меня:

– Не понимаю... ты... был там? Тогда, как ты здесь?

– Если бы был... – покачал я головой, сел напротив него на топчан. – Нет, Орик, я не был в городе. Но я знаю это.

– Знаешь... – он поднялся, заходил сердито по шатру: – Ты всё всегда знаешь, – пробормотал он, качая головой, почти сердито. – Так она одна там?

– С Яваном. Не так мало.

Орик обернулся на меня, мгновение подумал и кивнул согласно.

– Немало. Яван умрёт за неё, – уверенно произнёс Орик.

– Все, кто там, умрут за неё.

– И мы с тобой ещё. Беда в том, что она умрёт за любого из нас.

Я покачал головой и сказал, успокаивая то ли его, то ли себя:

– Не так легко убить её. Она не дастся Смерти.

Утро пасмурное, мелкий дождик, скорее даже водяная пыль висит в воздухе, оседая мелкими капельками на всех поверхностях, сам воздух кажется влагой, втекает в ноздри, касается кожи. Было уже нераннее утро, когда мы с Онегой поднялись на вновь выстроенную стену и увидели обступившую город громадную рать, дальние околичности которой терялись в тумане.

– Ванюша, помнишь, как гуляли с тобой под таким дождём в Ганеше? – спросила Онега, не глядя на серо-чёрную массу, оцетинившуюся пиками, покачивающуюся конницей, блестящую от влаги бронёй и оружием. Она смотрит выше их голов, куда-то вдаль, в туман. И, по-моему, не в этот, что я вижу перед собой, а другой, в тот, что был когда-то в Ганеше. Будто мы не перед лицом раскрывшей объятия Смерти стоим...

Потом посмотрела на меня.

– Поверить не могу, что это было. А ты?

– Жалеешь? – я посмотрел на неё. Неужели правда не боится?

– О чём?

– О том, что мы не остались там?

Онега покачала головой:

– Никто не спрашивал нас, чего мы хотим, так ведь?

– Тебя не спрашивали, верно... А я...

– Не надо, Ваня, что теперь... Я вспомнила не для того, чтобы ты жалел снова... А... Хорошо было. И как не с нами, – она улыбнулась тихо.

Да нет, с нами, ты не хочешь, чтобы всё это было с нами, но было с нами. С нами, Онега! И если сейчас умереть, я знаю, что жил не зря, видел и любовь, и счастье в лицо. Ушло всё, упустил я, но видел, знаю, что есть. И во мне всё живо...

– Ты... Не бойся, – сказал я, чувствуя силу ста человек в себе.

Онега засмеялась:

– Ну и ты не бойся, Ванюшка! – смотрит и правда весело, глаза блестят.

Взглянула вниз и сказала с усмешкой:

– О-о... Вона, погляди-ка, мой братец, – она кивнула на выехавшего вперёд всадника. – Красавец, ничего не скажешь, гляди!.. Но ты лучше, Ваня, правда-правда!

Боги, шутит ещё! Кто бы ещё на её месте шутил?

Орик, вот, кто шутил бы...

Всадник в алом плаще, на высоком белом без пятен коне, в золотом шлеме. И двое за его плечами, Доброгнева за правым плечом, Явор – за левым. Но они довольно далеко от него, он значительно впереди. Алый плащ мокнет под дождём, превращаясь в неприглядную тряпку.

– Ава, спускайся! Не мокни на стене, тебе вредно – только родила, простынешь! – крикнул Дамагой, усмехаясь.

– Меня простудой не возьмёшь, Дамагой! – ответила царица со смехом. – Ты же знаешь, такие как я, простудами не болеют! Золота ржа не берёт! Это тебе поберечься надо, простой человек! Сын весёлой потаскухи.

– Ну, дрянь... – услышали мы его бормотание, он набычился, подняв плечи, качая головой в богатом золотом шлеме.

Потом поднял голову, и лицо его стало бледно, черты обострились:

– Я сын потаскухи, это верно, но мне, мужчине, не стыдно. Вот тебе-то каково, самой потаскухой быть?! Я сам научил тебя отлично на спинку опрокидываться. Помнишь ещё, золотая царевна?! Али под тыщами других давно позабыла?!

С расчётом на окружающих сказал, на ратников, смутится Онега, унижены и побеждены они. Но с нею, с Онегой такое не пройдёт, уж я-то знаю. Ничто не дрогнуло в ней от его слов. Верно, золота ржа не берёт.

– Дак не о чем особенно было помнить-то, добрейший братец! – как ни в чём, ни бывало, продолжила легко смеять-

ся царица. – Ты чего привёл свою банду? Лунная жрица не боится тебя, как Белогора, который её, бедняжку, так притеснил, что ни одного её Лунного двора не тронул?.. Явор, вы с Дамагоем как делите любовницу? Али ты не знаешь, что они сто лет знакомы и всегда о-очень близко дружили. Ты бы поглядывал! А то они сейчас победят, и на что ты им станешь нужен?! Может, думаешь, тебе корону наденут?! – царица прыснула даже. – А-атличный союз у вас! Крепкий, честный! Чести особенно много. Хоть займы бери, ковшами отвешивай. Всё царство затуманили своим враньём. Надолго ли, Доброгнева?!

– Болтаешь много, Ава, – произнесла Доброгнева, усмехаясь, изящно сидя в седле в тяжёлом бело-чёрном одеянии, расшитом жемчугом так богато, что оно кажется чешуйчатым. Она легко придерживает уздечку, серая кобыла пританцовывает под ней слегка.

Так и есть, чешуйчатые чудище вместе с лошадьёю...

– Боишься, знать, – добавила Доброгнева.

Но царица не смутилась и этими словами:

– Боюсь. Как не бояться? – легко согласилась и даже с улыбкой. – Несмотря на то, что клячи под вами все грязью замазались, как и алые плащи ваши. Вас вон, тыщ тридцать, поди, притащилось, а нас тут всего ничего. Ясно – боюсь, и не скрываю. Но теперь и ты бойся, лживая подруга, за спину гляди! У Явора, помнится, острый меч. А нам... Что вы нам можете сделать, кроме как убьёте?

Под её непринуждённые и весёлые даже речи, я чувствую, как меня отпускает напряжение, я обернулся на воинов около, и у них на лицах просвет, никто не боится, когда так говорит бесстрашная весёлая царица. Сияющая золотая царица, уверенная, что как бы ни сложилось, победа – наша, потому что то будет победа духа.

– Сдайтесь, Ава, – проговорил Дамагой. – Сбережёте жизни.

Царица, продолжая улыбаться, обернулась на стены, оглядела наших воинов, и вдруг они, будто прочитав её мысль, как по команде, повернулись спинами и сняли штаны, обнажив зады, выкрикивая при этом нахальные и оскорбительные лозунги в адрес пришедших завоевателей.

– Уж извини, Дамагой, – крикнула царица, смеясь. – Но нам сдаваться не к лицу. Чего же царю скажем? Нет, не пойдёт!

– Детей пожалей, стерва! – крикнула Доброгнева.

– Царские дети не для жалости рождаются, но для чести! – выкрикнула царица, и будто эхом разнесло её слова над войском.

И над вражеской ратью.

И подхватили криком воины на стенах, ударяя в стену и скидывая мечи и кулаки вверх, в самое небо.

– Я не хочу жечь город нашего отца, Ава, откройте ворота, – продолжил Дамагой, дождавшись пока смолкнет гвалт. – Не умрёт никто, станете жить, как жили, ещё лучше,

спокойнее.

– Я – золотая царица, я рождена для трона! И мне твои посулы смешны, беглец и низкий обманщик! – выкрикнула царица.

И все услышали её. И гордо выпрямились непростая царица с нами, не обычная жена царя. Она – сам Великий Север, плоть от плоти и даже кровь от крови.

– А спокойствие оставь жёнам своим толстозадям! – добавила царица. – Ты некогда уже сулил мне свою дружбу, для меня закончилось плохо! Ты теперь Доброгневке дружбу и вечную любовь подари! Я обойдусь моими друзьями!

– Тогда все умрёте!

Наши ратники закричали, завопили:

– Авилла!

– Ориксай!

– Авилла!

– Ориксай!

– Авилла!

– Ориксай!

– Яван! Яван!

– Медведь!

– Воевода Яван!

Волна голосов всё выше, всё мощнее.

И с новой силой:

– Север!

– Ве-ли-кий Север!

– Север!

– Север! Се-вер! Се-вер! Се-вер!..

И повторяли так вновь и вновь, ударяя мечами и крепкими юфтяными сапогами по стене, в такт словам, создавая невероятный ритмичный грохот и шум. И я орал вместе со всеми. К тому же ещё выбрасывая решительный и злой кулак с зажатым мечом в небо. Плевать, что Смерть несметной ратью пришла под стены солнечной столицы. Никто не победит нас. Убить можно, но не сломить!

Мы спешим. Ни я, ни Белогор не знаем, где мои дети. Но если он спокоен, если Авилла сделала так, что Белогор не волнуется об их судьбе, а он не мог не волноваться, будь они в опасности, то и я должен быть спокоен. Мне странно это, я никогда раньше не думал о детях. Но сейчас я понимаю, что я так много думаю о новорожденных сыновьях, чтобы не думать об Авилле.

– Белогор, ни ты, ни Авилла так и не рассказали, что было, когда вы встретили Дамагоя, – я посмотрел на Белогора.

Мы весь путь едем плечо к плечу, нельзя гнать, пешие не поспеют. Мы будем у Солнцеграда к завтрашнему утру, мы идём почти без привалов, и без ночёвки. Но перед самим городом надо дать войску роздых. Воевать усталые люди не должны.

Он повернул лицо ко мне, ставшее жёстким, дёрнулись губы, глаза сверкнули сталью, несмотря на сумеречный мяг-

кий свет, но в них своё излучение, изнутреннее.

– С ней поступили жестоко, Ориксай, – чётко произнёс он и долго смотрел на меня, словно хотел увидеть, насколько глубоко вошло лезвие, которое он вонзил. – Так, что я лечил её несколько дней. Страшно... И то, что царевичи живы остались – это... Словом, Бог их сберёт.

Мне будто дали по лицу несколько раз, а потом под дых.

– Ты... почему не сказал... – задохнулся я.

Белогор отвернулся и добавил глухо:

– Время пришло и говорю.

И снова посмотрел на меня, прижигая раскалённым железом мои раны:

– Кого теперь ты пощадишь?

Я сорвался с места, рванув коня во весь опор, и скакал так долго, сколько мог, сколько мог мой конь, стараясь утишить сердце, зашедшееся болью и злостью. И руки, готовые сдавить любое горло. Я скакал, не разбирая дороги, далеко обогнав моё войско. Ветер, ветви хлестали меня по лицу и по плечам, полоскали мой плащ, но я нёсся и нёсся, словно надеялся нагнать, встретить моего врага...

И поворотил коня назад, только задохнувшись сам и чувствуя, что теряет силы он. Спешившись, я сел на землю, свесив тяжёлую голову между поднятых колен, оставив коня отдохнуть и пастись едва пробившейся травой. И так дожидался пока не подойдут мои рати.

Всё же достали и её... её... Ладно, промолчала. Почему?

Чего боялась? Почему не сказала?.. Ах, Ладо...

Услышав приближение рати, я поднялся, и, вскочив в седло отдохнувшего коня, вернулся в строй. Теперь у меня по-настоящему и надолго пылает лоб, и горят ладони, от нетерпения поскорее применить их в бою.

Светло-жёлтые брёвна внешней стены стали красными, меняясь в богатом цвете от алого до черноватого. Как и потёки расплавленной смолы и кипятка, приготовляемых для штурмующих, кажется, беспрерывно.

Машут руки, мечи, топоры, щиты, пики, окрашенные уже в те же цвета, что и стены. Лезут по лестницам и отваливаются или всё же достигают вершины, где врубаются в защитников.

И летят искры от скрещивающихся лезвий и доспехов, и льётся кровь, она шипит на раскалившихся остриях и лезвиях, стекая по стенам, начинает хлюпать под ногами и у подножия стены и наверху. Куски и ошмётки человеческих тел, кишки, мозги, отрубленные конечности, головы...

Хрипы смерти, ранений, победные вопли, ругательства, крики... Я бьюсь вместе с моими воинами. Я не ушла со стены, понимая, что я сейчас для моих воинов как Солнце. Я не могу прятаться, я должна быть с ними. А биться меня учить не надо.

И Яван бьётся рядом со мной. Мы стали напарниками, мы действуем как две части одной целого. Чувство тел друг дру-

га помогло нам стать идеальными соратниками. И плечо к плечу, спина к спине, мы машем мечами и кинжалами, отбивая удары от себя и от него, он от меня, пригибаясь, отклоняясь, вытягиваясь. Мы покрыты кровью, волосы намokли от крови, его борода мокра от крови и пота.

Я никогда не участвовала в битвах и не могла представить такую мясорубку. Но страха нет во мне. Одно есть – радость битвы и кипение решимости в крови. Я боюсь одного – достаться Дамагою живой.

Видеть куражливую радость на его лице, позволить использовать меня на размен с Ориком и Белогором, чтобы он мною заставил их подчиниться – ничего страшнее не может быть. Поэтому я скорее умру тут, и я не боюсь.

Скоро меня стало не узнать, под слоем крови я похожа на моих воинов, так что не отличить. И усталости я не чувствую, как это ни странно. Я мокра от крови изнутри и снаружи, хорошо, что крови столько вокруг, никто не чует запаха моей, родильной. И груди заполнились иглами и тяжестью от прибывшего молока... Чьё пьют те, для кого оно пришло?..

Но я не позволяю себе думать об этом, я не позволяю себе даже чувствовать это, я не позволяю себе слабеть. Моя слабость сейчас гибель для всех...

Если думать, то со злостью на тех, кто разлучил нас. Злость придаёт сил, грусть отнимает.

И странно – ночь приблизилась как-то очень быстро. Как мог так скоро закончиться день, а нашествие не продвину-

лось внутрь города больше, чем было с утра. Бои как шли с полудня наверху стен, так и не продвинулись внутрь города.

Дамагой скомандовал отводить полки. Остатки тех, кто успел подняться наверх, мы сбросили к подножию стен.

Мы с Яваном рядом, смотрим на отходящие полки. Мы опираемся на липкие от крови стены.

– Выстояли?.. А?!.. – сказал Яван с восторгом в голосе, оборачиваясь по сторонам. – Выстояли! Это ж надо...

– Если Орик до завтра не подойдёт, конец нам, – ответила я осипшим горлом, будто и в горле у меня засыхает кровь. Наверное, так и есть, мы и надышались и будто даже напились ею...

– Так вместе помрём что ли?! По мне, так лучше не придумать! – засмеялся Яван, оглянувшись ко мне.

На его покрытом кровью лице улыбка, весёлые белые зубы и синие глаза выглядят странно и будто стирают кровь. Я засмеялась, ткнув его в плечо кулаком.

– Яван! Авилла! – выкрикнули кое-где.

– Я-ван!

– А-вил-ла!

Подхватили вокруг.

Но, прокричавшись, воодушевлённые, пусть и промежуточной, но победой, мы стали собирать мёртвых и сносить их на площадь. Их оказались многие и многие сотни. Раненых ещё больше, ими есть, кому заняться, столько жрецов Солнца в Солнцеграде не было никогда раньше.

А сама я почти теряю сознание, неожиданно почувствовав усталость. Так, что подогнулись ноги, будто кто-то поддал под коленки... Я пришла в себя на руках милого Ванюши, который нёс меня в баню.

– Нельзя так, Нега, ты царица, надо беречься, – улыбнулся он.

– Нельзя царице беречься, однако, – сказала я, обняв его за шею. – На то я и на трон призвана.

Он улыбнулся, глазами светит. Но я нахмурилась, отодвигаясь от его плеча, к которому прильнула было:

– Ты так на меня не гляди, Вань, не то станут думать... – я немного вывернулась из его рук. – Оно, конечно, помереть-то можно и так, но мы должны о жизни думать.

– Стало быть, жить-то будем? – спросил он, опуская меня на порог бани, из-за двери просачивается пар.

– А чё же... Ещё как будем! – сказала я, закрывая дверь перед его носом...

Как и когда я добралась до постели, как разделась и заснула я не помню, не почувствовала ничего, пока лучи солнца не коснулись меня на рассвете.

Сегодня солнце щедрее. Никаких облаков, и наше доброе светило льёт на нас свои лучи, будто раскрыв объятия. В такой день никто не победит нас. И на стены мы идём под боевой клич:

– За Север!

– За Авиллу!

– За Ориксия!

– За Север!

– За Север!

– За Север!

Пока мы шли, Яван рассказал, что погибла вчера тысяча четыреста восемьдесят шесть человек. Нас здесь семь тысяч без трёх человек было вчера утром...

– ...Дамагоевых примерно в четыре раза больше полегло. В темноте оттаскивали трупы от стены. А вот, сколько раненых у них... Но у них нет столько же врачей. Кстати, Солнечные жрецы намерены тоже сражаться.

– Не пускай пока, пусть берегутся, – сказала я. – Некому будет мечи держать, возьмём и их, а пока пусть своим делом занимаются. Надо беречь тех, кто спасает нас и возвращает воинов в строй.

И вот мы наверху стены, кровь, из-за прошедшего ночью дождя, не высохла, а только глубже въелась в дерево, пропитав его насквозь, и стены теперь сильно пахнут вчерашней кровью, запах, смешанный со свежим запахом древесины настолько густой, что на ум приходят мысли о том, что здесь перемешаны человеческие и древесные тела и потоки чужьей и деревянной, не видной нам, крови...

Сегодня Дамагой в свежем алом плаще, солнце сверкает на его шлеме.

Я же свой сняла, открыв ему лицо.

– Сдавайся, Ава, столько людей гибнет, ради чего?! Я не

трону никого из вас. Возьмёшь себе этого в мужья. А ежели не хочешь, коли стал постылый, так возьми Белогора... Али ещё кого... Я разрешу тебе всё, только откажись от упрямства глупого! Будете сыты и не обижены.

Царица захохотала, задирая подбородок:

– Дак я за пищей-то никогда сильно не страдала, братец, сытость для меня последнее дело, приходилось, знаешь ли, одной краюшкой в неделю пробавляться и ничего, от этого только польза: прояснение в голове наступает, какого тебе от жиру и довольства вечного не достичь!.. А вот мужей перебирать царице не к лицу, у царицы государь – муж, он моя держава и моя родина! Он мой меч и смысл!.. Так что ты голодных тут не ищи, Дамаш, мы Солнцем сыты могём быть. Ступай восвояси, где ты его там обрёл, Север твоим не будет!

– Я – Ольг! Это ты, проклятая девка, заняла моё место! Я рождён был для трона! – завопил Дамагой.

– Ольг!?!.. – преувеличенно изумляясь, выкрикнула царица. – Ну, нет!.. Нет, низкий! Ольги чужих ратей на родину не приводят!.. Вон ступай, грязный ублюдок и подручных подлых прихвати с собой! – выплюнула она ему на голову.

Дамагой возопил, срывая голос:

– Сдохнешь! Сдохнешь-шь!.. И детей твоих повешу как щенков, тебе покажу, смотреть будешь глазами своими дьявольскими, как они станут в петлях извиваться!.. Потом любовника твоего распнём... За ним – царя. Белогора... А там уже и тебе башку своим мечом снесу! – орёт Дамагой, совсем

потеряв самообладание.

– Давай-давай! – продолжила хохотать Онега, совершенно не тронутая его словами. – Ты мало до чего ещё не опустился! Убей единокровную сестру, ублюдок! Ублюдком родился, ублюдком и кончишься!

Дамагой, белый от злости, поднял меч и рыкнул команду стрелять из луков. Но преждевременно, поэтому большая часть стрел не долетела даже до стены.

Но они собрались, построились и вновь, подхватив свои лестницы и верёвки с крюками, пошли на стену.

И всё заново, будто вчерашний день никогда не кончался, будто мы продолжили его...

Но нет. И всё тому свидетельство, и Солнце и то, что вдруг отхлынули, стали разворачиваться полки от стен, начали перестраиваться, оставив нас на стенах в некотором недоумении.

Глава 2. Слепота

Подойдя к Солнцеграду на рассвете, мы намерены не просто оттащить рать от города, нет, у нас новая тактика. Белогор рассказал мне очень подробно, что вскоре произойдёт с городами Севера, поэтому ясно, что нам необходимо спасти как можно больше людей, увести их из города как можно дальше. А город отдать Дамагою, пусть празднует свою победу, её смоем с лица земли вместе с ним самим и его приспешниками из наших.

По городам уже отправлены гонцы, убеждать всех уходить из городов, оставляя дома, уводить, увозить всё, что смогут, но, главное – спасаться.

– Ох, не поверят... – пробормотал я, глядя вслед уезжающим гонцам.

– Кто поверит, тот и спасётся. В том сила веры и есть. Кто верит мне, тот уйдёт. Кто верит в Солнце. Кто верит в прежний Север. Кто ещё им жив, кто им дышит, тому и жить, – невозмутимо произнёс Белогор.

Мы стояли с ним рядом, и гонцы давно скрылись уже за лесом, а мы всё смотрим, куда они ускакали. Факелы на длинных жердях и костры освещают лагерь. Воины спят, утомлённые переходом, не думая о завтрашнем дне и битве.

– А остальных не жаль тебе? – я посмотрел на него. – Они же детей с собой...

– Как не жаль, Ориксай? Я не из камня, – он нахмурился. – Но чья Смерть пришла, уже пришла, косу подняла, её не прогнать. Не мы выбираем, кому жить. Кому состариться, а кому остаться молодым навеки, – Белогор спокоен как всегда и говорит будничным прохладным голосом.

Я ушам не верю, неужели он так и думает на самом деле и не пытается сейчас затуманить меня, поэтому и не могу не спросить:

– Выходит по твоему, все мои дети умерли потому что...

Он повернулся ко мне:

– Ты такую судьбу сообщил им, Орик, – чуть приподняв свои правильные брови, едва ли не с вызовом ответил чёртов далегляд. – Что ты хочешь услышать? Как зачал, так они и жили. Ты их разве ждал? Хотел тех детей? Они для тебя были, как и те женщины, доказательство твоей мужественности. Всего лишь, не люди, не дети тем более. Как мальчишка в игры играл... Разве не так? – он смотрит остро, пронзает как обычно, пробирает до костей, до печёнок, до последней капли крови своим взглядом.

– А... – меня подвёл голос, я не могу спокойно о наших с Авиллой детях даже думать, не то, что говорить. – А царевичи? Погибнут тоже из-за меня? Я к ним... я их... – я запинаюсь как маленький школьник перед ним.

– Царевичи проживут долгую жизнь, – он погасил свой взгляд. – Очень долгую. Если повезёт и Бог сподобит увидеть их, я скажу тебе точнее. Но то, что их Смерть ещё даже

крупницей не обозначилась в царстве теней, это точно.

Я не мог не улыбнуться этому сообщению:

– Так?! Ну, гляди!

И он засмеялся, и я. И мы счастливы, похоже...

Этот разговор происходил ещё ночью. Пока отдыхало наше войско. А на рассвете мы уже в видимости Солнцеграда. Рати Дамагоя-Гордокся обступили нашу столицу. Мы напали на них неожиданно, они стали перестраиваться, но прозевали нас, поэтому мы удачно бьём их в тыл.

Нас вдвое меньше, но мы воодушевлены куда больше. И из-за стен Солнцеграда выступают рати Явана и Авиллы. И с двух сторон тесним рати чужаков-сколотов и наших предателей...

Я вижу, что нас разобьёт дружина Орикся. Хотя их меньше числом, но они злее и решительнее, они отчаянно храбры. Они на своей земле. Мои – на чужой. Мои за поживой, обещанной мной, пришли, его – пришли умереть. Само Солнце вливает силы в них. Я вижу всадника на вершине холма, что возвышается над долиной, где сошлись наши рати. Я не могу видеть отсюда его лица, но я уверен, что это Белогор. И стрелой не достанешь. Жаль, что я не могу стрелять взглядом, я бы сшиб его с коня.

Мой лагерь за лесом, если мы сдюжим эту рать, мы сможем уйти... уйти, надо отступить. Надо...

Надо Авиллу взять! Взять Авиллу! Этим и рать мою спа-

сти! Она, конечно, в гуще битвы, дерзкая дура, вот на этом и возьму её!

Умнее надо быть, царица, не только отчаянно драться уметь, но и вперёд просчитывать. Вперёд на два шага глядеть, а не дерзить старшему брату, а после кидаться, очертя голову, в гущу битвы. Тоже мне, воин! У мужа своего училась бы, курица мокрая, а ещё лучше у Белогора ледяного, одной смелостью не победить.

От этих мыслей у меня, наконец-то, радостно закипела кровь. Я отделаю их, не мараясь в крови. Только девчонку отыщу среди ратников.

Надо сказать, это не так просто. В рубке битвы, когда за стены выскочили на нас, поддержанные подошедшей дружиной царя, оборонявшие Солнцеград, и началось настоящее крошево, все покрыты грязью и кровью, непросто различить, кого бы то ни было. Я несусь по полю битвы, не сражаясь, а разыскивая, сейчас найти Авиллу – это спасти моё войско, это победить.

Где ты, сестрица?! Почему я не Белогор и не могу её чувствовать на расстоянии.

Я увидел Волка...

Дамагой...

Меня пронзило: я понял, прочёл, какая опасность исходит от него... И помчал вниз с холма. Если успею опередить его, мы все спасены... Боже, почему ты раньше не открыл

мне глаза?!.. Я несусь вниз, я бы закрыл глаза, так мне легче найти её. И почему я ещё до начала битвы не кинулся искать её?! Ведь знал, что полезет в битву, почему сразу не остановил? Ну что это такое... как же я не предвидел... Я не мог предвидеть намерений Дамагоя, они родились только что...

– Аркан! Найди Авиллу! – завопил я, перекрикивая грохот битвы. – Не видишь её? Найди!

Он разогнулся, во весь свой рост, выглядывая поверх голов сражающихся.

– Достань! Выкинь аркан, притащи её мне. Притащи, слышишь?! Трогать не смей, свяжи только! Найди!

Авилла. Где ты, Ладо? Зачем ты в бой-то ввязалась? Видал тебя, обернувшись, увидал... но тут же опять потерял из виду... Ладо, Ладо... Где ты? Почему не осталась за стенами? Упрямица... чёрт тебя возьми!

Белогор, ты хоть отыщи, уведи её отсюда!.. Уведи и спрячь!.. Как страшно... опять схватят... схватят...

Мы бьёмся, как и вчера. Но на стене одно, в поле – другое. Нас чуть отодвинули друг от друга. Я перестал чувствовать её спиной... Я обернулся... Онега...

Онега!

Онега! Боги! Я не вижу её! Я не вижу!..

Я пропустил удар...

В один миг что-то стянуло мне плечи, больно впилося в груди и рвануло назад. Нет! Нет, не может быть! Я выронила меч... меня тащит что-то за спину, за плечи, за живот... я...

Рывок, я окончательно потеряла равновесие, меня протащило по грязи...

Обернувшись, я увидела... Он сбросил шлем с моей головы, косы вывалились на спину. Теперь все увидят, что женщина между ними. И, хотя я вижу, я почти не вижу лица, но я знаю, кто это... Боже! Боже! Помоги мне!..

Шатёр Дамагоя пуст. И вокруг почти пусто, вся рать ушла. И мне страшно, что Дамагой и Явор могут не вернуться сюда. И что тогда?

Всё прахом?!

Нет-нет! Я весь Север переделала под себя! Я всё забрала под себя! Я сделала то, чего ещё никто никогда не делал.

Я оттеснила Белогора. А он не просто Верховный жрец Солнца, он Великий. Это я знаю лучше, чем кто бы то ни было. И я почти победила его. Победила и... И что, всё потерять? Потерять, потому что эти мерзавцы смелы и безрассудны? Чёрт подери вас!

Нет, нет, Дамагой, ты так и остался неудачником?! Не может быть! Я же прозревала Дамагоя, я видела его на троне Солнцеграда! Как это может быть?! Меня ни разу не обманывали прозрения.

Но сейчас...

Что-то прервало мои мысли, неожиданный шум, вдруг ворвавшийся в шатёр. Вваливается окровавленный и очень грязный, весь покрытый жидкой грязью, смешанной с кровью громадный человек, это... я не помню, как его зовут, но я видела его, и, когда он снял шлем, я узнала: высокий, черноволосый, из наших, северян. И в руках у него, связанная по рукам и ногам и так же грязна, как и он... Ава!

Но увидев её, я шарахнулась, я отлично помню, что такое для Лунных их кровь, не дай Бог на меня попадёт хоть капля...

Страшным кличем разнёсся голос по полю:

– Ориксай! Твоя царица и твои дети в моих руках!

Ах, Ладо, попалась... я так и знал...

– Отводи рати, Ориксай! Отводи от Солнцеграда!

Я поднял меч кверху, останавливая сечу, как и Гордоксай-Дамагой, не знаю, кто он больше тот или другой. Я впервые вижу его, и, хотя я не могу рассмотреть его под слоями грязи, я знаю – это он. Как и все здесь, мы как грязевые чудовища, будто воплотившиеся из жидкой грязи и крови, восставшие из самой оттаявшей, под нашими ногами и под копытами коней, земли.

Только Белогор, что несётся сюда, один почти не испачкан грязью.

– Веди Авиллу! – прокричал он Дамагою на скаку.

– За детей не волнуешься? Али его дети тебе не надобны? – захохотал Дамагой, снимая шлем вместе с войлочным колпаком, обнажая, странно чистую на фоне всеобъемлющей грязи, голову, волосы русые слиплись от пота, завились. Боги, человек как человек...

– Веди Авиллу! – Белогор осадил коня на полном скаку, тот вздыбился с громким возмущенным ржанием.

– Отведите рати! – ответил Дамагой.

– Отведём! – тут же выкрикнул Белогор. – Но отпусти всех! Из города отпусти всех наших! Всех, кто захочет уйти с нами! И мы уйдём, Дамагой!

– Я царь Гордоксай! Новый царь Великого Севера! – возвестил Гордоксай-Дамагой.

– Да чёрт с тобой, назовись, кем желаешь! Отпусти наших людей! Всех, кто хочет уйти за нами! Отпусти из города! – конь танцует под Белогором, грызёт удила, вся Белоголова злость в этом сером жеребце.

Дамагой-Гордоксай некоторое время пристально вглядывался в него, будто хотел прочесть, или вывести из себя.

Но мотнув головой, всё же заключил:

– Идёт. Пусть ваши уходят, все, кто захочет. Сутки даю всем уйти, – вдруг он засмеялся, показывая ровные зубы. – Ориксай, в городе твои дети, твои жёны, забирай всех. Сколько их у тебя? Говорят, целый улей... Считаешь, али так, без счёту?!

Его хохот звучит оскорбительно и нагло в наступившей

тишине.

– Отпусти всех. Тогда отведём дружину, – негромко из самого сердца сказал я.

Памятуя, что сказал мне Белогор о Солнцеграде и его ближней судьбе, пожалуй, это удача, что Дамагой так стремится занять город. Только Авилла...

– Отводи рать, мы идём к стенам! Белогор, иди с нами, убедишь Солнцеград идти за тобой, пусть уходят все. Мне твои люди не нужны, воздух чище.

– Там, где ты всегда смрад! – глухо прорычал Белогор, не боясь разозлить бывшего друга.

Но тот и не злиться: хохочет, запрокидывая голову, что ж и не смеяться, он победитель. Но сейчас мне важнее Авилла.

Я подъехал к Белогору, держа шлем в руках, сырой ветер холодит мокрую от пота голову. Он успокоил свою лошадь и напряжённо глядел на отходящие к Солнцеграду рати Дамагоя.

– Он не отдаст Аву, – приговорил Белогор и не мне вроде, а себе самому.

– Что?!

– Станет в заложницах держать.... – прошелестел он в своей манере, сам с собой.

– Какого чёрта мы тогда... – вспыхнул я.

Он посмотрел на меня, в глаза постепенно возвращается здешность.

– Сделаем вид, что подчиняемся, – это уже мне. – Усыпим

его ум. Он самоуверен, это ослепляет его. Это как ещё один союзник внутри его стана. Хорошо, что наш противник Дамагой, я хорошо его знаю и знаю, чего он хочет, – он посмотрел на меня: – Ты не слепни от ярости, держись, Ориксай. Мы вместе с нею сдюжим.

Не слепни от ярости, он шутит? Я едва могу дышать от лавы вулкана, взрывающегося в горле

– Она в плену, Белогор... Она там, где...

Чёрными от громадных зрачков глазами он взглянул в мои глаза.

– Теперь он не позволит обидеть её. Какой бы сволочью он ни был, но теперь он её в обиду не даст, – он снова перестал смотреть на меня.

Правда уверен или хочет убедить себя самого?.. Не даст в обиду... тот, кто обидел её ребёнком?..

Глава 3. Ошибка или данность

Я вошёл в мой шатёр, проверить, не упустили ли Авиллу на этот раз, с них станется, сбежит из-под носа.

Немного напуганная Доброгнева встретила меня, бросившись навстречу, грохоча серебряными украшениями, разлетевшись прекрасными чёрными косами, широким одеянием, полоснувшимся вокруг её полного тела.

– Что?! Что происходит, Дамагой? Что за движение?..

– Идём в Солнцеград, – улыбнулся я.

Я счастлив. У меня крылья на пятках. Я едва сдерживаюсь, чтобы не подпрыгивать.

– Как?.. – она улыбнулась тоже, отступая, боясь, коснуться меня, покрытого ошмётками грязи. – Правда?.. Они отступают?!

– Уводят людей из города, – добавил я.

– Зачем позволил? А если все уйдут?

– Что теперь? Пусть идут. На что они тебе?

– Быть не может... – покачала головой Доброгнева.

– К ночи въедем в столицу, ночевать будем в тереме, – сказал я, не переставая улыбаться. – Спасибо Аве, попалась, как глупый зайчонок в силки. Где она?

Доброгнева кивнула на соседнее, внутреннее отделение шатра.

– Там этот... Волк её стережёт, связал, сидит, глядит

на неё, не отрываясь. Я опоила её дурманом, этот насильно влил... Бешеная, дерётся, дикая совсем девка! Вовсе не «зайчонок», – мрачно усмехнулась Доброгнева.

Я вошёл туда, вижу Аву на ложе, ох и грязна... и Волк подскочил, глядя на меня горящими глазами, преданность и страх в его глазах.

– Вымыть царицу надо, – сказал я, скользнув по нему взглядом.

Я вышел обратно к Доброгневе:

– Бани топлёные есть?

– Найдутся. Но... Она не ранена? – бледнея, спросила Доброгнева.

– Откуда знать?

– Я не могу касаться её, если ранена. Да... и никто не может, это опасно для неё.

– Отмыть надо. Негоже царице...

– Она же... ты же победил её, и всё царицей кличешь?

– Ава – царица. Пока нет новой, она царица. Пока жива, – добавил я. – Вымыть царицу.

Темнеет. И похолодало к ночи, раскисшая грязь взялась ледком, похрустывает, как засахарившееся варенье, к утру застынут твёрдо следы и рытвины, бело от инея будет. Удивительно холодная весна. Я такой не помню за всю мою жизнь. Люди вереницами тянутся из ворот Солнцеграда. Но мы смотрим на них, с всё возрастающей тоской.

Это то, чего мы хотели, и это часть нашей стратегии, учитывая, предстоящую скорую, очень скорую, гибель Солнцеграда. Но мы проиграли: теперь там Ава. Конечно, не могло всё достаться легко.

Как болит сердце... каким тяжёлым холодным камнем тоска придавила меня.

Нет, она не умрёт там, но, сколько опять ей придётся потерпеть? И долго ли?

– Как царицу станем отбивать? – проговорил Ориксай, наконец, вслух произнеся то, о чём мы оба думали.

– Мне бы пойти туда.

– Белогор, – вздохнул Ориксай устало, – это именно то, что им нужно. И оба останетесь там.

Мы молчим дальше, продолжая наблюдать за исходом семей северян и сколотов, не захотевших остаться под властью Лунной жрицы и новоявленного царя, кем, впрочем, Гордоксай ещё не объявил себя.

Отягощённые скарбом, с телегами, козами, курами, овцами, гусями и утиными выводками, люди идут довольно быстро. Всю ночь шли. И утро. Исыякли уже после рассвета. Мы уводим всех как можно дальше от Солнцеграда, мы уходим далеко, на юго-восток, подальше от гор и от озера. Здесь и встанем лагерем.

Яван, которого пришлось лечить от раны в плечо, нанесённой топором, так, что треснула кость, Ориксай и я проводили Совет, не глядя друг на друга. Всем нам ясно одно: то,

что царица в руках врага перечёркивает нашу победу. Тем более что и погибших мы насчитали почти тысячу за такой короткий бой. И раненых ещё три. Но раненых, мы вылечим, а вот тех, что ушли за теньями, уже не вернёшь.

Я рассказал Явану, что я прозрел относительно ледника и Солнцеграда, на что он только ещё мрачнее посмотрел на меня. Он себя винит в том, что Аву смогли похитить подручные Гордоксая. Но мы все виним себя в этом. И все не можем придумать, что же теперь в связи с этим всем делать. Только о царевичах Яван рассказал нам, что их увёз в неизвестном направлении его скоморох.

Орик вскинулся было, но сам себя и остановил:

– Авилла не доверила бы ему царевичей, если не была бы совершенно уверена.

Я посмотрел на него, соглашаясь.

– Люди из других городов идут к нам, – сказал я.

– Только бы не препятствовали им.

– Пока нет препятствий...

Я очнулась в постели, в моей постели в тереме и даже под моим мягким одеялом. Был уже конец дня, у меня сильно болела голова, от этого я, в общем-то, и проснулась. Я была одета в чистую рубашку, и вся я была чистой, даже косы заплели. Кто-то позаботился обо мне.

Но чувствовала я себя больной. Я села в постели и, прежде чем огляделась, услышала голос, который почему-то не сразу

узнала. Из-за головной боли, должно быть, я всё слышу будто сквозь плотный платок.

– Проснулась, наконец-то – голос звучит удовлетворённо. – Что-то я переборщила, знать, с маковыми каплями, ты трое суток спала... Всё время я с ними путаю, не наше средство, не чувствую его как наши... Вставай, Ава, Гордоксай заждался уже поговорить с тобой.

Пока она говорила всё это, я думала. Мне стало ясно, что произошло. Я хорошо помню, как меня потащило по земле, опутав жёсткой верёвкой. Я помню грязного Волка, с ещё возросшим безумием в глазах, неотступно смотревшего на меня, связанную, будто запечатанную в кокон, пока не явились какие-то ратники, все держали меня, щёки придавили к зубам, пока вливали что-то в рот. Нева приблизиться побоялась, предоставила мужчинам...

Я села, опустив ноги к полу. Мутит ужасно... но я постаралась превозмочь это и слабость, что владеет мой. Ничего, сейчас тело очнётся тоже, станет легче.

На краю постели я увидела моё платье, богато расшитое золотом, украшения, чулки, сапожки. Нева позвала девушек, приоткрыв дверь, чтобы помогли мне одеться.

– Так ты двойню родила всё же, – продолжила Нева, пока меня одевали, пока распутывали, расчёсывали косы, пугливо, озираясь на меня, не стану ли колотить, за то, что больно тянут волосы. Это не мои девушки. Незнакомые. С ними, что ли пришли или они из местных набрали новых теремных

девок?

Я не говорила ничего. Я выпила почти половину кувшина воды, бывшего здесь, чувствуя себя легче с каждым мгновением.

– Где сын Белогора, Ава? – спросила Нева, наконец, едва последняя из девушек вышла за двери, похоже, дошла до самого важного вопроса.

Я, между тем, уже готова, серьги закачались у лица, придавая мне почему-то уверенности. Потому что они из золота?

На Доброгневин вопрос я рассмеялась, но вообще-то это все не смешно. Тайна рождения царевичей должна навеки быть тайной. Падающий Север под своими обломками погребает и нас. Или это мы рушим его своим бесстыдством? Что раньше? Что причина, что следствие? Мы с Белогором остались последними золотыми детьми, потому что пора погибнуть Северу или мы его губим? Мы с Белогором...

А Доброгнева – явление времени, как и мы, как и Дамагой, она должна была появиться, чтобы воткнуть меч в вершину кургана?

Но Орлик? Орлик – он сама жизнь. Он и послан во спасение Великому Северу. Мы на погибель – он во спасение. И его сын будет следующим царём.

Размышлять сейчас о том, что Доброгнева знает о том, что я родила сына от Белогора, потому что она провидела это или потому что сам Белогор предал меня, у меня сейчас

нет сил, поэтому я и рассмеялась, чтобы просто позлить её и заставить ещё больше обнажиться:

– Забудь ты, Нева, ревновать Бела ко мне. Никогда между нами ничего кроме дружбы не было. Что бы там твой Солнечный любовник не врал тебе, чтобы ты взяла его в свой заговор.

Нева подскочила с лавки, где сидела, побледнев, все её многочисленные, искусно сделанные, необыкновенно красивые украшения с хрусталём и жемчугом, покачиваются своими искристыми длинными подвесками, она такой юной кажется, когда растеряна, это даже трогательно. И мило. Со всем как та Доброгнева, которую я считала моей подругой.

Но потом разозлилась на себя саму за своё смущение и воскликнула:

– Дуришь, царица?!

Тут я улыбаться перестала и, выпрямившись, смерила её взглядом сверху вниз и проговорила очень резко и отчётливо самым тихим и низким голосом, какой смогла в себе произвести:

– Ты, Доброгнева, конечно, Вышняя жрица Луны, но всё же не забывайся! Ты с кем говоришь?! И не смей произносить больше подозрений своих низких. Ежели ты сама привыкла барахтаться в грязи, марасть царскую честь не смей! Ещё услышу, голова твоя в канаву полетит!

Нева вспыхнула и смешалась, не ожидала отповеди. И несколько мгновений ей понадобилось, чтобы собраться с

мыслями и вспомнить, что я в плену у неё:

– Ты Авилла... Ты... не очень-то заносись, – всё ещё в смущении проговорила Доброгнева. – Тут одно моё слово и...

– Так за чем дело стало, Нева? Валяй, повели! – я вскинула брови. Пусть покажет, сможет ли хотя бы складку на моём платье тронуть.

Нева между тем овладела собой и прошипела, подходя к двери:

– Чёрт с тобой, не говори. Ты молодая, жить будешь долго, мне и твоей жизни, твоей крови хватит, чтобы Север Солнце встретил в следующий раз.

Я засмеялась. Удивляющая убеждённость и приверженность древней вере в человеке, который сделал всё, чтобы порушить, всё пустить прахом, разломить народ, помогать захватчикам, людей к ним привести, полстраны.

Удивительно, Нева всё стремилась разрушить, но не для того, чтобы построить что-то новое, а чтобы сделать то же только под себя. Великий Север сделать своим, карманным. Ох, Доброгнева... смелости мысли тебе не хватило, чтобы придумать некий новый мир. Ты в плену Севера, и ты никогда из него не выйдешь. Тебе не нужна свобода. Что ты ринулась бороться с тем, что было? Для чего? Страшилась старости и потери влияния, которое завоёвывала своей красотой... Власть твоя не выходила далеко за пределы спален. Ты так думаешь. Но ты знаешь, что ничто не вечно, вот и

решилась заручиться властью над новым наследником, заменить ему родителей, стать царицей по сути, если не по форме... Это было бы подолговечнее. Но тоже не абсолютно. Дети бунтуют против родителей. Тем более против воспитателей. Ты не решилась и не додумалась даже на своё чело надеть корону. Тебе нельзя корону, она из золота, она сожжёт тебя. Быть царицей на Севере ты не можешь, а другого царства тебе не надо...

Но, оказалось, что не надо и Дамагою. Вот это удивило меня сильнее. Он, проотсутствовав столько лет на родине, вернулся с полной копией прежнего Севера внутри своего сердца, верностью тому, что было ещё до пришествия Колоксая. И даже большей, чем у Доброгневы. Вернуть всё, как было при нашем отце.

Но это я поняла немного позднее. А сейчас я удивлённо и даже с сочувствием смотрела на Неву. Я думала, она хочет выстроить здесь новое царство, а оказалось, она на привязи у своего воспитания, своей веры. Так куда понесло тебя, Нева?! Ты была бы Верховной Лунной жрицей до конца своих дней. Второй женщиной в царстве после царицы. Неужто мало влияния, мало власти? Я не понравилась тебе... понимаю теперь... Нева...

Она открыла двери, поманила меня:

– Идём, Ава, Гордоксай ждёт твоего пробуждения.

Я не стала артачиться. Мне надо понять, где наши, и как мне сбежать к ним. Понять, чего хочет Дамагой, почему не

убил меня. Для чего ему я?

...Я ожидал пробуждения Авы эти дни и был недоволен, что Нева переборщила со своим зельем. Мне хотелось как следует рассмотреть мою сестру, наконец, поговорить с ней, понять, чем она стала, и правда ли она такова, как показалось мне при нашей первой встрече.

Я приходил посмотреть на неё спящую. Её вымыли, расчесали и заплели косы, уложили на её царское ложе, но горница у них с её царём была мне та, что у нашего отца, почему Ориксай выбрал другие покои, было неясно, но, пожалуй, тут было даже лучше – окна на восток, солнце сюда заглядывает сразу, едва проснувшись...

Да, я смотрел на неё спящую и не мог не получить гордого удовольствия, что вот это совершенство – моя сестра. Прелестное лицо, волосы, эти чудные ресницы, прозрачная белая кожа, руки с тонкими долгими перстами, длинная шея... Эта красота светит, как светит солнце, как золото радует взгляд, как самоцветы завораживают своей игрой... Нет, лучше, проще – словно пение соловьёв, что скоро начнут свои трели по ночам, как аромат первых цветов и трав начинающейся весной, как запах первого цветка или дождя после зноя. Как первые лучи солнца после самой длинной зимней ночи. И дуновение ветра после долгих-долгих дней удушающей жары. Ава оживляюще прекрасна. Как никто. И ничто...

Но мне хотелось поговорить с ней. Проверить такова она,

как показалось мне, в наши встречи... я ни разу не говорил с нею, близко глядя в глаза. Моя сестра теперь – это не тот напуганный доверчивый ребёнок, что остался в моей памяти навсегда. Это уже совсем другой человек.

Они вошли с Доброгневой в большую горницу, где всегда велись переговоры и устраивали трапезы. Вначале вошла Доброгнева, но за ней она – Авилла, моя сестра. Она... у меня перехватило дыхание. Она оказалась совсем не такой, как я вспоминал из старых времён, или той встречи прошедшим летом, когда она издали с седла целила в меня из лука и говорила так дерзко или со стены Солнцеграда.

Во-первых: она гораздо выше ростом, чем я мог предполагать. И стать, и развёрнутая гордая спина, и высокая шея, будто нарочно, чтобы удержать корону на голове, в ней нельзя не узнать царицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.